

DOI 10.5862/JHSS.215.19

УДК 141

И.В. Дёмин

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ И НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

ДЁМИН Илья Вячеславович – кандидат философских наук, доцент Самарского государственного аэрокосмического университета им. акад. С.П. Королева (национальный исследовательский университет).

Россия, 443086, Самара, Московское ш., 34

e-mail: ilyadem83@yandex.ru

В статье показана значимость проблемы соотношения идеологии и науки для современной эпистемологии и философии науки. Рассмотрены и сопоставлены два подхода к этой проблеме, вытекающие из альтернативных философских парадигм: «научного реализма» (Э. Агацци) и «конструктивизма» (П. Фейерабенд). Э. Агацци признает и обосновывает автономию науки по отношению к идеологии, тогда как Фейерабенд рассматривает науку как форму идеологии. Решающим для обоснования автономии науки по отношению к идеологии у Агацци выступает методологическое различие двух аспектов науки: науки как деятельности и науки как знания. В концепции Фейерабенда это различие проводится не всегда, он рассматривает науку преимущественно как деятельность, обусловленную внекогнитивными факторами и общим социокультурным и социально-политическим контекстом.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ; НАУКА; ИДЕОЛОГИЯ; МИРОВОЗЗРЕНИЕ; ЭПИСТЕМОЛОГИЯ; СЦИЕНТИЗМ; КОНСТРУКТИВИЗМ; НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ; ФЕЙЕРАБЕНД; АГАЦЦИ.

Проблема соотношения идеологии и науки занимает важное место в кругу вопросов социальной философии и философии науки. Эта проблема имеет множество аспектов: влияние науки на идеологию и идеологии на науку, наука как фактор формирования и трансформации идеологий, наука как способ обоснования идеологии, идеологическая «нагруженность» научного знания, роль науки в процессе манипуляции общественным сознанием и т. д. Целесообразно различать два ракурса рассмотрения этих вопросов: *социально-философский* и *эпистемологический*. В первом случае в центре внимания оказывается реальный процесс генезиса и исторического развития науки и идеологии [1], во втором – сущностные характеристики науки и идеологии как форм общественного сознания. В социальной философии на первый план выходят *социокультурные* факторы развития науки и идеологии, в эпистемологии и философии науки первостепенное значение приобретают факторы *когнитивные*. В контексте данной

статьи нас будет интересовать преимущественно *эпистемологический* аспект проблемы «идеология и наука».

Значимость проблемы соотношения идеологии и науки связана с тем, что идеология как социально-политический феномен и форма общественного сознания зарождается в контексте секулярной культуры нового времени, решающую роль в становлении которой сыграла наука и новоевропейская философия, ориентированная на научное познание. По выражению С.Г. Кара-Мурзы, наука – это «старшая сестра» идеологии [Там же. С. 26].

В современной философии науки Э. Агацци и П. Фейерабенд представляют два противоположных подхода к вопросу о соотношении идеологии и науки. Рассмотрим их концепции.

Одно из ключевых положений Фейерабенда, во многом определившее специфику и оригинальность его концепции, – *отождествление науки с идеологией*. Это отождествление становится возможным в том числе и благодаря тому,

что термин «идеология» у Фейерабенда трактуется в максимально широком смысле (вплоть до «идеологии греческого эпоса» [2, с. 244]). Примечательно, что собственную концепцию научной рациональности («эпистемологический анархизм») Фейерабенд также рассматривает как форму *идеологии* [Там же. С. 196].

Фактически под идеологией понимается любая интеллектуальная традиция, любая система взглядов и убеждений. В большинстве случаев, когда Фейерабенд использует термин «идеология», речь идет о *мировоззрении* в широком смысле слова, включая сюда религиозные, мифологические и философские представления. Такое размытое понимание идеологии существенно затрудняет анализ концепции Фейерабенда.

Пожалуй, единственное более или менее внятное определение идеологии Фейерабенд дает в работе «Наука в свободном обществе». Идеология, согласно Фейерабенду, представляет собой «пучок теорий, соединенных с определенным методом и более общей философской концепцией» [3, с. 512]. «Теория» здесь понимается не в привычном значении «научной теории», но, скорее, в попперовском смысле: всякое знание, вырабатываемое в любой сфере культуры, есть своего рода «теория» [4].

Фейерабенд отмечает *двойственный* характер всякой идеологии (как научной, так и вненаучной): она может способствовать как освобождению, так и порабощению человека. У науки в этом отношении нет никакого преимущества перед другими идеологиями: «Ни у науки, ни у любой другой идеологии нет такого прирожденного свойства, которое *всегда и всюду* делает ее освободительницей человека. Идеология может вырождаться и превратиться в бездумную веру» [5, с. 219] (курсив Фейерабенда. — *И. Д.*). Любая идеология, согласно Фейерабенду, может способствовать просвещению, но может и препятствовать ему. Отсюда следует «императив», определяющий, каким должно быть правильное отношение к идеологиям: «Все идеологии следует рассматривать со стороны. Их не следует принимать слишком всерьез. Их нужно читать, как волшебные сказки, в которых можно найти множество интересных вещей, но вместе с тем и чудовищное вранье, — или как моральные предписания, которые могут быть полезны в первом приближении, но становятся ужасными, если

следовать им буквально» [Там же. С. 218]. Идеология может выполнять «освободительную» функцию и выступать как фактор прогресса до тех пор, пока она не превращается в *господствующую* и *официальную* идеологию (именно это, согласно Фейерабенду, и произошло с наукой). «Идеология, — отмечает Фейерабенд, — прекрасная штука, пока она существует в компании других идеологий» [Там же. С. 225].

Истоки трактовки науки как идеологии следует искать в философии Франкфуртской школы, в частности в работах Г. Маркузе и Ю. Хабермаса (помимо влияния Франкфуртской школы, И.С. Нарский прослеживает влияние на концепцию Фейерабенда *неоромантизма* с характерным для него призывом «Назад к природе!» [6, с. 6]). Маркузе в работе «Одномерный человек» рассматривает науку и технику как новые формы идеологии. Новоевропейская наука и неразрывно связанная с ней машинная техника конструируют и поддерживают универсум, в котором господство над природой оказывается тесно связанным с господством над человеком. В рамках «проекта» новоевропейской науки господство над человеком реализуется посредством господства над природой [7].

Хабермас в работе «Техника и наука как „идеология“» рассматривает науку как своего рода *квазиидеологию* или *эрзац-идеологию* [8, с. 104]. Главную функцию идеологии Хабермас усматривал в *легитимации господства*. В эпоху «технократического сознания» функцию легитимации политического господства (т. е. собственно *идеологическую* функцию) берет на себя *наука*, которая превращается в непосредственную производительную силу. Современное технократическое сознание, с одной стороны, менее идеологизировано, чем общественное сознание эпохи классического капитализма, с другой стороны, идеология (или квазиидеология) науки, во власти которой пребывает технократическое сознание, оказывается более всеобъемлющей и всепроникающей, чем идеологии старого типа [Там же. С. 98–99].

Характерная для представителей Франкфуртской школы трактовка идеологии как «тотального», всеобъемлющего феномена [9, с. 137–140], несомненно, оказала влияние на Фейерабенда.

Обратимся теперь к главному вопросу: почему наука, согласно Фейерабенду, не может

считаться *идеологически нейтральным* знанием? Ответом на этот вопрос является ключевое положение «эпистемологического анархизма», согласно которому «не существует никакой „научной методологии“, которая бы позволила отделить науку от всего „ненаучного“» [5, с. 224]. Как отмечает Н.И. Кузнецова, отрицание идеи научного метода (и единой научной методологии) у Фейерабенда связано с принципом «пролиферации» («размножения») теорий [10, с. 214], согласно которому ученые должны стремиться создавать теории, *несовместимые* с существующими и признанными научными теориями.

Важным методологическим следствием отрицания идеи научного метода и принципа пролиферации становится отрицание *единства науки*. Фейерабэнд справедливо замечает, что единство научного знания обеспечивалось именно презумпцией единой научной методологии. Но коль скоро «не существует одного „научного метода“, а господствует оппортунизм» и «допустимо всё – всё, что способствует развитию познания с точки зрения конкретного исследователя или исследовательской традиции» [11, с. 49], невозможно говорить и о науке как *особой и специфической форме познания мира*. Это означает, что проблема *демаркации*, которая на протяжении всего XX в. находилась в центре философских и методологических дискуссий, утрачивает свое значение. Отрицание идеи научного метода влечет за собой отрицание эпистемологической специфики научного знания как такового. Согласно Фейерабэнду, не только *невозможно*, но и *не нужно* проводить четкую демаркацию между «наукой» и «ненаучными формами знания», так как сама наука черпает идеи из «вненаучных» источников: «Ученые черпают свои идеи из самых разных областей, их концепции часто приходят в противоречие со здравым смыслом и обоснованными доктринами, и они всегда приспособливают свои методы к текущим задачам» [Там же].

Специфика науки как идеологии, согласно Фейерабэнду, заключается в (необоснованной) *претензии* науки на *идеологическую нейтральность* и в ее тесной связи с современным государством. «В идеале современное государство является идеологически нейтральным. Идеология, религия, магия, мифы оказывают влияние только через посредство политически влиятельных партий. Идеологические принципы иногда

включаются в структуру государства, но только благодаря решению большинства населения, принятому после открытого обсуждения» [2, с. 19]. Исключение в этом отношении представляет собой только наука. Наука и изучение науки в современном обществе не являются делом *свободного выбора индивидов*, в чем Фейерабэнд усматривает нарушение либерального принципа «равноудаленности» государства от всех идеологий. Конечный «вердикт» Фейерабенда звучит так: «Наука есть одна из форм идеологии, и она должна быть отделена от государства, как это уже сделано в отношении религии» [3, с. 518].

Несмотря на несколько «скандальный» и «эпатажный» характер ключевых положений концепции Фейерабенда, проблемы, затронутые им, заслуживают самого пристального внимания. Концепция «методологического анархизма» стала своего рода «вызовом» для философии науки последних трех десятилетий. Теоретическая состоятельность той или иной конкретной версии философии науки во многом определяется ее способностью дать адекватный ответ на вызов методологического анархизма и релятивизма. Наиболее последовательно антирелятивистская установка в современной философии науки проводится итальянским философом Э. Агацци. Остановимся на его трактовке соотношения науки и идеологии.

Возражения Агацци против «идеологизации» науки и ее смешения с вненаучными формами знания в конечном счете проистекают из занимаемой им позиции «научного реализма». В статье «Наивный реализм и наивный антиреализм» Агацци отмечает, что главная опасность для «научного реализма» в настоящее время исходит не столько из области *философии науки*, сколько из области *философии языка*. Речь идет прежде всего о различных постструктуралистских версиях «лингвистической» философии. Агацци разбирает и подвергает критике с позиций научного реализма два ключевых тезиса «лингвистической философии»: о полной зависимости смысла термина от контекста (научной теории) и о несоизмеримости научных теорий [12]. Напомним, что именно тезис о *несоизмеримости* научных теорий в концепции Фейерабенда был одним из оснований отрицания единства науки и ее сближения (и даже отождествления) с идеологией.

Вопрос о соотношении идеологии и науки представляет собой частный случай более общей проблемы – проблемы «нейтральности науки». Агацци выделяет несколько основных смыслов понятия «нейтральность науки» и последовательно разбирает каждый из них. Нейтральность рассматривается как «незаинтересованность», как «свобода от предрассудков», как «неподчинение интересам», как «свобода от обусловленности» и как «индифферентность к целям».

Вопрос о нейтральности науки решается через последовательное различение двух аспектов науки: *научной деятельности* и *научного знания*. Агацци не отрицает неразрывной связи этих двух аспектов, но отмечает, что «во многих случаях признание или непризнание науки нейтральной обусловлено чрезмерным возвышением одной из ее сторон до уровня последнего слова в вопросе о природе науки» [13, с. 35]. Превратное понимание и неверное решение вопроса о нейтральности науки в большинстве случаев связаны с абсолютизацией одного из аспектов науки в ущерб другому ее аспекту.

Различение двух аспектов науки прослеживается на всех этапах рассмотрения проблемы нейтральности науки. Так, рассматривая нейтральность как «незаинтересованность», Агацци утверждает, что наука как деятельность не может быть незаинтересованной (она всегда направляется и мотивируется какими-то интересами – социальными или личными), однако познавательная ценность научного знания не должна зависеть от чьей-либо практической заинтересованности: «*Познавательная* ценность научного суждения (или теории) совершенно независима от того, отвечает ли это суждение (или теория) экзистенциальным интересам его (ее) творца или экономическим интересам бизнеса или организации» [Там же. С. 36] (курсив Агацци. – *И. Д.*). Аналогичным образом Агацци рассматривает и другие смыслы «нейтральности» науки.

В контексте рассмотрения проблемы нейтральности науки Агацци обращается к вопросу о соотношении и связи науки и идеологии. Является ли наука независимой от идеологии? «Ответ должен быть совершенно утвердительным, исходящим из того, что *наука может рассматриваться как антиидеологический образ мыслей*» [Там же. С. 47] (курсив наш. – *И. Д.*).

Заметим, что здесь мы имеем дело не с одним вопросом, но с двумя. Вопрос о зависимости/независимости науки от идеологии затрагивает аспект их *взаимодействия*, а аргумент, который приводит Агацци, ничего не говорит о *взаимодействии* науки и идеологии, но только об их *соотношении*. Сформулируем вопрос иначе: может ли наука испытывать *влияние* со стороны той или иной господствующей или оппозиционной идеологии? Да, безусловно. История науки это подтверждает. Означает ли это, что наука не является идеологически нейтральным знанием? Нет, не означает. Здесь опять-таки необходимо различать *науку как знание* и *науку как деятельность*. Наука как *деятельность* испытывает влияние со стороны идеологий и, в свою очередь, оказывает влияние на них. Если же рассматривать науку как *знание*, то необходимо признать, что наука обладает автономией по отношению к идеологии. Наука ни в каком смысле не может рассматриваться как «выражение» той или иной идеологии. Сказанное, впрочем, не исключает возможности, что отдельные научные теории могут использоваться для обоснования той или иной идеологии.

В отличие от Фейерабенда, Агацци детально проясняет смысл понятия «идеология» и контекст употребления этого термина. Он отмечает, что в наиболее общем смысле идеологию можно рассматривать как «комплекс основополагающих убеждений о структуре реальности и смысле и целях человеческой деятельности и истории, убеждений, которые служат более или менее откровенным теоретическим обоснованием деятельности индивида в социальном контексте и разделяются индивидами, принадлежащими к определенной группе или классу» [Там же. С. 48]. Фактически идеология определяется как *проекция мировоззрения* на социально-политическую плоскость.

В подходе к анализу феномена идеологии в его связи с научным познанием Агацци стремится избежать двух крайностей и двух противоположных тенденций, одна из которых связана с *преуменьшением* роли идеологии в обществе и культуре, другая – с ее *преувеличением*. Первая находит свое выражение в тезисе о «конце идеологии», широко распространенном в различных «технократических» концепциях социальной эволюции (Р. Арон, Д. Белл и др.) [14], вторая – в неомарксизме и постструктурализме. Особен-

но опасна для науки вторая тенденция. Агацци подвергает критике сложившееся в контексте неомарксизма, в частности в контексте Франкфуртской школы, представление об идеологии как *априори «ложном» сознании*, формирующем искаженное представление о социальной действительности. Логически некорректно, полагает Агацци, объявлять какую-то точку зрения *искаженным* представлением, если у нас *нет возможности* противопоставить этой точке зрения иное, *верное*, представление [13, с. 48]. Идеологии как ложной форме сознания можно было бы противопоставить науку, но последняя сама оказывается формой идеологии или квазиидеологией, легитимирующей политическое господство (Г. Маркузе, Ю. Хабермас).

Сущность феномена идеологии Агацци усматривает в обобщенной трактовке действительности, главная задача которой заключается в *обосновании необходимости социального действия* [Там же. С. 65]. Специфика идеологии как формы общественного сознания в том, что она возвышает *частное* и *частичное* до уровня *всеобщего*. К наиболее существенным характеристикам идеологии Агацци относит *некритичность* (*непонимание* того, что идеология искажает реальность), *догматизм*, *нетерпимость* и *нефальсифицируемость*. Догматизм идеологии как формы общественного сознания проявляется в том, что она принимает за целое собственную точку зрения. Из догматического характера идеологии вытекает нетерпимость по отношению к иным, альтернативным, точкам зрения и идеологиям: «Возможно лишь одно целое; все остальные точки зрения должны быть подчинены ему, инкорпорированы им (если они с ним совместимы) или отвергнуты (в случае их несовместимости)» [Там же. С. 67]. Нефальсифицируемость идеологии Агацци понимает в попперовском смысле: «идеологические принципы неуязвимы для фактов или разумных аргументов, которые могли бы опровергнуть их» [Там же. С. 68].

Выявив особенности идеологического типа сознания, Агацци замечает, что наука по своим основным характеристикам *противоположна* идеологии, наука есть *антиидеология*. Науке присуще осознание, что ее дискурс имеет четкие границы, наука заботится о верификации собственных утверждений и контроле над ними, науке свойственна терпимость в

отношении альтернативных точек зрения, и, наконец, наука есть форма *знания*, а не *веры*, а знание в принципе *фальсифицируемо* (*научное суждение «не должно быть a priori защищено от попыток фальсификации»*) [Там же. С. 69]. *Заметим, что такая трактовка науки вполне согласуется с критическим рационализмом, одним из наиболее влиятельных направлений в современной философии науки.*

Несмотря на принципиальное отличие науки от идеологии, всегда возможна *идеологизация* или *идеологическая деформация* науки. Эта деформация может осуществляться двумя путями: через влияние на научную деятельность различных *вненаучных, внекогнитивных* (прежде всего социально-политических) факторов и через приписывания самой науке *мировоззренческих* и *идеологических функций*. Если первая угроза давно распознана научным сообществом в качестве именно *угрозы*, то вторая (возможность превращения самой науки в идеологию или квазиидеологию) куда менее очевидна и поэтому представляет куда большую опасность.

Агацци формулирует вопрос: «Не может ли наука, не будучи *выражением* господствующих идеологий, сама стать *идеологией*?» [Там же. С. 47] (курсив Агацци. — *И. Д.*). Выражением идеологических притязаний науки является *сциентизм, сциентистское мировоззрение*. Суть сциентистской «идеологии» Агацци усматривает в том, что ограниченный характер научного знания признается лишь за *отдельными дисциплинами*, а не за *наукой в целом*. В ходе рассмотрения сциентистской «идеологии» Агацци показывает, что важнейшие характеристики научного знания (противоположные основным характеристикам идеологии) имеют силу не только применительно к *отдельным научным дисциплинам*, но и применительно к *науке в целом, к науке как таковой*: «даже рассматриваемая как совокупность *всех наук*, наука остается *несовершенной совокупностью*» [Там же. С. 70] (курсив Агацци. — *И. Д.*). Тем самым обосновывается важный для философии науки тезис: сциентизм как идеология или квазиидеология не может иметь под собой никаких *научных оснований*, невозможно обосновать сциентизм *научным* путем.

Уверенность в безграничном росте познавательных возможностей науки, вера в потенциальное «*всезнание*» науки, полагание

научного знания в качестве «образцового» и «парадигмального» и прочие составляющие сциентистского мировоззрения выполняют *сугубо идеологические* функции и не могут претендовать на *научную* достоверность и значимость. Однако и полноценной *идеологией* сциентизм, согласно Агацци, быть не может. Сциентизм не может в полной мере выполнять главную функцию всякой идеологии — «обеспечивать остов теоретического обоснования, которое может удовлетворить потребность каждого человека в ориентации и практической поддержке, особенно на общественном уровне» [13, с. 74]. Сциентизм, если и можно рассматривать в качестве идеологии, то только в качестве идеологии *крайне слабой*. Это связано с тем, что сциентизм приписывает науке функции, несовместимые с ее сущностью. В статье «Идея общества, основанного на знаниях» Агацци показывает, что ни какая-то отдельная наука, ни вся система современной «технонауки» в целом не может служить основой для ценностных суждений, составляющих ядро всякой идеологии [15, с. 16–17].

В наиболее общем виде различие двух рассмотренных концепций сводится к следующему: Агацци признает и обосновывает автоно-

мию науки от идеологии, тогда как Фейерабенд рассматривает науку как форму идеологии. Отчасти это связано с различным пониманием феномена идеологии, но в большей мере обусловлено тем, что концепции Агацци и Фейерабенда тяготеют к двум противоположным парадигмам в философии науки — к научному реализму и к конструктивизму соответственно.

Агацци формулирует четкие критерии, отличающие науку от ненауки (в частности, науку от идеологии). Фейерабенд же полагает невозможным и ненужным институциональное различие науки и внеаучных форм знания (само это различие, согласно Фейерабенду, обусловлено скорее историческими и социокультурными, нежели когнитивными факторами [16, с. 228–229]).

Решающим для обоснования автономии науки по отношению к идеологии у Агацци выступает методологическое различие двух аспектов науки: науки как деятельности и науки как знания. В концепции же Фейерабенда это различие проводится не всегда. Фейерабенд рассматривает науку по преимуществу как деятельность, обусловленную внекогнитивными факторами и общим социокультурным и социально-политическим контекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кара-Мурза С.Г.** Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
2. **Фейерабенд П.** Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413 с.
3. **Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
4. **Поппер К.** Эволюционная эпистемология // Эволюц. эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–75.
5. **Фейерабенд П.** Как защитить общество от науки // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3, № 1. С. 217–228.
6. **Нарский И.С.** Пол Фейерабенд и кризис «постпозитивистской» методологии // Фейерабенд П. Избр. тр. по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 5–28.
7. **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ, 2003. 526 с.
8. **Хабермас Ю.** Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.
9. **Михайлов И.А.** Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914–1939 гг. М.: Изд-во ИФ РАН, 2008. 207 с.
10. **Кузнецова Н.И.** Неопознанный Фейерабенд // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3, № 1. С. 210–216.
11. **Фейерабенд П.** Прощай, разум / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 477 с.
12. **Agazzi E.** Naive realism and naive antirealism // Boston studies in the philosophy of science. 1997. Vol. 192: Issues and images in the philosophy of science. P. 13–26.
13. **Агацци Э.** Моральное измерение науки и техники. М.: Моск. филос. фонд, 1998. 344 с.

14. Хмылев В.Л. Концепт идеологии – от просвещения к постмодерну // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 299. С. 66–70.

15. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–19.

16. Фейерабенд П. Прогресс в философии, науке и в искусстве // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 22, № 4. С. 215–231.

I.V. Demin

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF IDEOLOGY AND SCIENCE IN CONTEMPORARY EPISTEMOLOGY

DEMIN Ilya V. – Samara State Aerospace University.

Moskovskoye sh., 34, Samara, 443086, Russia

e-mail: ilyadem83@yandex.ru

The article shows the importance of the problem of the correlation of ideology and science for contemporary epistemology and philosophy of science. Two approaches to this problem are discussed and compared which are the result of alternative philosophical paradigms: “scientific realism” (E. Agazzi) and “constructivism” (P. Feyerabend). E. Agazzi accepts and justifies the autonomy of science in relation to ideology, while Feyerabend sees science as a form of ideology. The crucial aspect for the substantiation of the autonomy of science in relation to the ideology of Agazzi is a methodological distinction between two aspects of science: science as an activity and science as knowledge. The concept of Feyerabend does not always make this distinction. As a rule, Feyerabend considers science as the activity that is caused by noncognitive factors and general socio-cultural and socio-political context.

PHILOSOPHY OF SCIENCE; SCIENCE; IDEOLOGY; WORLDVIEW; EPISTEMOLOGY; SCIENTISM; CONSTRUCTIVISM; SCIENTIFIC REALISM; FEYERABEND; AGAZZI.

REFERENCES

1. Kara-Murza S.G. *Ideologiya i mat' eyo nauka* [Ideology and science as her mother]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 256 p. (In Russ.)

2. Feyerabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Moscow, AST Publ., 2007. 413 p. (In Russ.)

3. Feyerabend P. [Selected papers on the methodology of science]. Moscow, Progress Publ., 1986. 542 p. (In Russ.)

4. Popper K. [Evolutionary epistemology]. *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of the social sciences: Karl Popper and his critics]. Moscow, EHditorial URSS Publ., 2000. Pp. 57–75. (In Russ.)

5. Feyerabend P. [How to Defend Society Against Science]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 217–228. (In Russ.)

6. Narskij I.S. [Paul Feyerabend and the crisis of “postpositivist” methodology]. *Feyerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected papers on the methodology of science]. Moscow, Progress Publ., 1986. Pp. 5–28. (In Russ.)

7. Marcuse G. *Eros i civilizaciya. Odnomernyj che-lovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow, AST Publ., 2003. 526 p. (In Russ.)

8. Habermas J. *Tekhnika i nauka kak “ideologiya”* [Technology and Science as Ideology]. Moscow, Praksis Publ., 2007. 208 p. (In Russ.)

9. Mihajlov I.A. *Maks Horkhajmer. Stanovlenie Frankfurtskoj shkoly social'nyh issledovanij* [Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School for Social Research]. Pt. 1: 1914–1939 years. Moscow, IF RAN Publ., 2008. 207 p. (In Russ.)
10. Kuznetsova N.I. [Unidentified Feyerabend]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 210–216. (In Russ.)
11. Feyerabend P. *Proshchaj, razum* [Farewell to Reason]. Moscow, AST Publ., 2000. 477 p. (In Russ.)
12. Agazzi E. [Naive realism and naive antirealism]. *Boston studies in the philosophy of science*, 1997, vol. 192, pp. 13–26.
13. Agazzi E. *Moral'noe izmerenie nauki i tekhniki* [The Ethical Dimensions of the Techno-Scientific Enterprise]. Moscow, Moskovskiy filosofskiy fond Publ., 1998. 344 p. (In Russ.)
14. Hmylev V.L. [Concept ideology – from the age of enlightenment to postmodern]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2007, no. 299, pp. 66–70. (In Russ.)
15. Agazzi E. [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Problems of Philosophy*, 2012, no. 10, pp. 3–19. (In Russ.)
16. Feyerabend P. [Progress in Philosophy, Science and the Arts]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2009, vol. 22, no. 4, pp. 215–231. (In Russ.)